

Секция «Моделирование и прогнозирование глобального развития»

Геополитические риски и шансы России в процессе становления Большой Евразии

Кефели Игорь Федорович

E-mail: igor.kefeli@yandex.ru

1. Одной из ключевых задач проекта «Большая Евразия» – противодействие создаваемым зонам глобальной и региональной нестабильности. Еще в 20-х годах XX в. Г.В. Вернадский и П.Н. Савицкий отмечали наличие условий для «всевразийского государственного единства» и что «Евразия как географический мир как бы «предсоздана» для образования единого государства». Более того, «к концу XIX века завершился (в основных чертах) процесс создания России-Евразии как геополитического единства...». Опираясь на эти умозаключения о «России-Евразии», сделаем три вывода: во-первых, они носили конкретно-исторический характер, поскольку основными акторами мировой истории и политики тех лет являлись национальные государства, в том числе, и многонациональный Советский Союз. Во-вторых в современном мире акторами выступают уже не только государства, но коалиции государств и различные негосударственные объединения. В-третьих, спустя почти столетие, идеи евразийцев начинают обретать реальные черты в различных интеграционных проектах, будь то СНГ, ЕАЭС, ЭПШП, Большая Евразия. Но при этом стратегическое проектирование нацелено, в первую очередь, на решение задач создания коалиций государств, учитывающих их национальные интересы, и обеспечение безопасности их совместной деятельности. Особо хотелось бы отметить, что эта проблематика заинтересовала представителей западноевропейской геополитической школы. Президент итальянской Ассоциации «Познаем Евразию» Антонио Фаллико прямо заявляет что «создание общего экономического пространства от Лиссабона до Владивостока и Сингапура – лучший способ предотвращения конфронтации и обеспечения гармоничного развития. При строительстве Большой Евразии в центре должно находиться стремление к обеспечению баланса интересов, а не попытка обеспечить свои интересы за счёт интересов других участников... Только путь через Россию обеспечивает безопасность, с точки зрения военных и геополитических угроз» [1]. Проблемы обеспечения евразийской безопасности, в первую очередь, касаются России и всего ЕАЭС. Для них щитом безопасности выступает ОДКБ, зоной ответственности которой, согласно «Стратегии коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года», являются «территории государств – членов Организации, ограниченные участками государственной с другими государствами, не являющимися членами ОДКБ (внешними границами), включая внутренние воды, территориальное море и воздушное пространство над ними, в пределах которых обеспечиваются интересы национальной и коллективной безопасности государств – членов ОДКБ». А это – 20,5 млн км², т.е. 37

2. Следует обратить внимание на один документ – «Концепцию внешней политики Российской Федерации» (от 30. 11. 2016 г.), в котором, во-первых, четко различаются три региона евразийского континента – Евро-Атлантический, Евразийский и Азиатско-Тихоокеанский. Во-вторых, в «Концепции» определена в качестве стратегической задача формирования «общего экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана на основе гармонизации и сопряжения процессов европейской и евразийской интеграции» (ст. 63). В-третьих, «Россия рассматривает укрепление своих позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе и активизацию отношений с расположенными в нем государствами как стратегически важное направление своей внешней политики, что обусловлено принадлежностью России к этому динамично развивающемуся геополитическому региону, <...> и настроена на формирование... пространства совместного развития

государств – членов АСЕАН, ШОС и ЕАЭС в целях обеспечения взаимодополняемости интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском и Евразийском регионах» (ст. 78, 82). Таким образом, мы можем теперь не только концептуально, но и опираясь на официальный документ, который явился продуктом многолетних научных исследований и дискуссий, утверждать о признании концепции евразийства как общегосударственной.

3. В этой ситуации Россия трансформируется из восточного фланга несостоявшейся Большой Европы (а если расширить масштаб – от «Der Untergang des Abendlandes» О. Шпенглера к «Закату Большой Европы» сегодня) и превращается в западный фланг формирующейся Большой Евразии (Great Eurasia). Генри Киссинджер в своем выступлении 4 февраля 2016 г. на открытии Центра внешнеполитического сотрудничества имени Е.М. Примакова в Москве по-своему объяснил отмеченную выше трансформацию и суть geopolитического противостояния США и России: «В зарождающемся многополярном мире Россия должна восприниматься в первую очередь не как угроза США, а как важная часть системы глобальной стабильности» [3]. 4. Среди множества вопросов стратегического порядка, требующих согласованного решения, ключевым для России и других государств, входящих в ЕАЭС, стал следующий: ЭПШП нацелен не только на взаимодействие с Россией и странами Центральной Азии, но и на коадаптацию с интересами Евросоюза. Принципиальное значение имеет тот факт, что Китай и страны Центральной Азии заинтересованы в сопряжении не только ЭПШП – ЕАЭС, но и ЭПШП – ЕАЭС – ЕС. В отсутствие координации в треугольнике ЭПШП – ЕАЭС – ЕС контакты будут поддерживаться только между ЭПШП – ЕАЭС и ЭПШП – ЕС, тогда как экономически чрезвычайно важный элемент сопряжения ЕАЭС – ЕС будет отсутствовать. Без взаимодействия ЕС и ЕАЭС велика вероятность того, что многие ключевые китайские проекты сопряжения ЭПШП и ЕС, включая транспортные, будут реализованы в обход территории Российской Федерации и ЕАЭС, которые понесут существенные экономические потери и утратят шанс реализации своего транзитного потенциала. 5. Методология исследования и прогнозирования перспектив евразийской интеграции – моделирование многоагентного взаимодействия geopolитических акторов коалиций на основе математической теории игр. Стратегия перехода к полицентричному мироустройству предполагает необходимость перехода от «геополитической беллетристики» к геополитике, основанной на математическом моделировании процессов глобальной геополитики методами теории игр и на Кондратьевских циклах глобального развития. В таком случае для формализации процессов конвергенции национальных интересов государств в рамках geopolитических союзов необходимо прибегнуть к обоснованию модели конфликтного распределения затрат агентов (государств, входящих в коалицию – geopolитический союз). Для всякой функции полезности коалиций $C(K)$ существует единственный вектор распределения полезности (C) – вектор Шепли. Теория игр позволяет определять скрытую логику взаимодействия geopolитических акторов полицентричного мира, а теория Кондратьевских циклов глобального развития – прогнозировать это взаимодействие.

6. На церемонии открытия 14 мая 2017 г. в Пекине Международного форума «Один пояс, один путь» Владимир Путин заявил, что «Большая Евразия – это не абстрактная geopolитическая схема, а, без всякого преувеличения, действительно цивилизационный проект, устремлённый в будущее». Так евразийство, разрабатываемое учеными и мыслителями, превращается из умозрительной идеи в геостратегию партнерства цивилизаций и объединений Большой Евразии [4]. Таковы geopolитические риски и шансы России в процессе становления Большой Евразии.

Примечания

1. URL: <http://eurasiancenter.ru/perspective/20160905/1004395076.html>
2. Грациани Т. Россия – краеугольный камень системы многополярного мира // Меж-

дународная жизнь. – 2010. – № 7. – С. 93-104

3. URL: <http://gorchakovfund.ru/print/news/18353/>

4. Яковец Ю.В., Растворцев Е.Е. Большая Евразия: стратегия партнерства цивилизаций и объединений. Научный доклад. – М.: Издательство «Проспект», 2017. – 64 с.; URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54491>